

18+

Клёмка Четырли

Я О ТЕ Б Е

Я о тебе говорил

Клёмка Четырлі
Яотего. Я о тебе говорил

«Издательские решения»

Четырлі К.

Яотего. Я о тебе говорил / К. Четырлі — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510367-3

«Яотего своё прозвище на слух узнавал, но не интересовался его значением по-французски. В этот день он оделся как обычно, городским сумасшедшим...»Этот 20/20 год тревожно круглых коронавирусных цифр знаменателен для автора ещё и персональным цифровым совпадением: 36/36! Он неожиданно обнаружил, что беспокойная история его брэнного существования разделилась ровно пополам, на «до» и «после» между Москвой и Парижем! Книга об этом!

ISBN 978-5-00-510367-3

© Четырлі К.
© Издательские решения

Содержание

Бобик, Котик и Франкуша	6
Яотего	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Яотего Я о тебе говорил

Клёмка Четырли

Редактор Наталья Ростова

Дизайнер Кирилл Шипилов

Видеодизайнер Сергей Дерябин

© Клёмка Четырли, 2021

ISBN 978-5-0051-0367-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бобик, Котик и Франкуша

Меня зовут Степан Чепиков, и живу я в Париже. Один приятель мне говорит: «А чего ты, дядя, по-русски не пишешь? У нас сейчас чего только не издаётся, может, и ты спонсора найдёшь». Ладно, купил это я по интернету русский шрифт на кусочках слюды и наклеил его на свои латинские клавиши.

Вопросительный знак клеить некуда, не хватило ему клавиши, так что я его из латинской системы заимствую. В Париже много нашего народа кучкуется, но сначала я вам расскажу про Кузю Дуплинского. Он здесь рядышком в одиннадцатом районе мыкается. Фамилия, конечно, у Кузи неоднозначная, с эквивоками, но выбирать ему особо не приходилось: Дуплинский он по матери, а по папе он вообще Немнихер. Когда фамилию выбирали, папа сказал, что Дуплинский звучит более по-мужски. А имя Кузьма родители большевики ему дали для того, чтобы сразу было видно, что это человек русской культуры. И Кузя им был, читал он запоями... ну и пил так же. Но если в России он выпивал невменяемо, то здесь, в Париже, Кузя тихий. Он кушает по-французски красненькое и жалуется на печень. Из плодово-выгодных (французы говорят «красное, которое пачкает») предпочитает недорогой «Котик»¹, мотивируя тем, что он, «котик», всегда имеет не менее 12,5° на этикетке, и что у которых ниже 12°, у тех повышенная кислотность.

Но главное не в Кузиной способности трескать «Котик» с утра до вечера, а в том, что с ним вечно случаются какие-то истории. В этом и есть интерес Дуплинского как индивидуума. Он, конечно, рассказывая, расцветчивает, но мы знаем, что каждый автор имеет право на гиперболу, даже если яркость повествования прямо пропорциональна количеству усугублённого. Как правило, у Кузи всегда есть чем подтвердить свои мифоисторические изыски, фотография какая-нибудь или книга с дарственной. А как он саму Катрин Денёв в щёчку целовал, я лично видел, но об этом потом. А тут ещё и фильм, где он с Бобиком снимался. Бобик это он для него, а для нас с вами он Роберт, Роберт Де Ниро. Что? Какого такого? Вот и другие так же – «целуйте меня, я только что с поезда...», – а потом фильм посмотрят и полчаса рта закрыть не могут! И естественным образом прекращают возникать, потому как факт налицо: вот вам Кузя, а вот Де Ниро – стоят по бокам красной машины, перетирают по-важному, и Жан Рено тут же голос подаёт, что-то Кузе доказывает. Каково! Я вам, конечно, всё расскажу с его, Кузиных, слов, а вы уж сами делите на четырнадцать (я уже поделил), не забывайте только, что фильм существует, и каждый год его строго обязательно перезапускают по многим здешним каналам, типа наподобие культовая картина, как здесь говорят, «стандартная классика»! И так уж теперь получается, что и Кузёнок вместе со своим «котиком» тоже вроде как в «классики» попали! Нет, но это надо!

А дело было так. Знакомые знакомых Кузи... Все Кузины рассказы начинаются именно так, и что самое удивительное, они с «Котиком» никуда из своей конуры не выходят, спрашивается, откуда у него такое море знакомых?! Значит, знакомые знакомых Кузи (киношные люди) искали русский типаж «с тухлым взглядом» на малюсенькую роль в большом американском фильме. Что касается взгляда, то это правда – у Кузи он побит изрядно неумным количеством скушанного, но русский типаж, я извиняюсь, в Париже можно и порусопятей найти, и не очень напрягаясь. В арабских лавках, где Кузя иногда «Котиком» затоваривается, они его за своего принимают, начинают с ним на ихнем лопотать. Я это к чему? Вот у меня и голова подсолнухом, и глаз голубой, и ещё потухлее Кузино будет, и верчусь-то я колбасой на всех парижских тусовках, но что-то мне никто ничего не предлагает. Обидно!

¹ Красное вино Côtés du Rhône

Короче, поехал Кузя на первый просмотр в волнении. Проблемы что надеть на встречу не стояло, кроме носков и трусов у Кузи всё было в единственном экземпляре, чистая рубашка в том числе. Сам я помодней буду, в принципе, мог бы одолжить, но у меня всё на два размера меньше.

Про даму, которая должна была его прослушивать, ему сказали, что это она придумала «кастинг» во Франции, вроде того, что до неё он как профессия не существовал, в Штатах да, а во Франции нет. Был у неё, правда, один небольшой перерыв. С 1942 по 1945 год с сотнями тысяч других фигурантов её отправили на «массовку» в Освенцим. Кузя видел сине-поблёкший номер на её руке. Ещё ему сказали, что это она помогла в начале карьеры Изабель Аджани и Софи Марсо и открыла много других талантов.

Когда Дуплинский встретил её в первый раз, он, по его словам, так и прикипел к полу. Эта память французского кинематографа как две капли воды была похожа на маму Мишки Шнуркова Любовь Михайловну.

Так вот, у этой французской бабуся, которую все звали Марго, похоже, был такой же бамбуковый радикулит, как у Любовь Михайловны, то есть она передвигалась буквой «зю». Объяснить, как это, Кузя не мог, говорит, надо видеть. Говорила Марго тоже потресканным голосом Любовь Михайловны, но по-французски. Что ещё поразило Кузю, кроме таких же как у мамы Шнуркова рейтузов, обтягивающих сучковатые ножки, так это ботиночки «прощай молодость». С молнией наверху! Именно такие носила всю свою жизнь мама Мишки. Дуплинский всегда думал, что их нигде кроме как в СССР не производили. По словам Кузи, они с Марго закорешковали, сразу после того, как он совершенно искренне поинтересовался, не было ли у неё родственников в Москве:

– Как знать, как знать, – таинственно улыбаясь, прошептал этот клон Мишкиной мамы.

Марго Михайловна не стала скрывать, что кроме Кузи у неё есть ещё пять претендентов, настоящих актёров. Сказала, что его сцена маленькая, но с Бобиком и Жаном Рено, и что фильм делает сам Франкенхаймер. Марго пересадила Кузю на стул перед камерой, велела сделать зверское лицо, дала в руки текст и приказала оператору врубать. Они сняли три пробы, и каждый раз двойник Любовь Михайловны кричал на Кузю, чтобы он делал противно-недоверчивый глаз в камеру. Дело в том, что его будущая роль хозяина подозрительного парижского гаража была лишена всякого смысла и служила лишь предлогом для показа афиши балета на льду. Тем не менее, в фильме за пятьдесят миллионов долларов Франкенхаймер имел право даже для такого пустяка – потребовать самый тухлый русский глаз во Франции.

Марго сказала Кузе, что кассету она отправит *самому*, что ответ надо ждать через пару недель и что он (Франкенхаймер) специально приедет в Париж на него – и на других двухминутных – посмотреть, и дать добро:

– Дяплунской, – Кузя услышал долгожданный голос в трубке ровно через пятнадцать дней. – Сам приезжает через неделю, встреча в отеле Сен Джеймс. У тебя хорошие шансы.

Кузя только и успел сказать «целую крепко, ваша репка». Он так разволновался, что забыл выпивать, всё проекты строил, как он с Бобиком познакомится, а там – чем чёрт не шутит – подружится. Это же надо! И ведь жизнь его прикладывала неоднократно, ан нет, каждый раз он снова взбодрится, кричит, что нашёл свой голубец, и теперь всё пойдёт по-другому. Я и то боюсь, а вдруг и впрямь в один ненастный день выдует Кузю из его конуры на Монпарнасе. Упорхнёт он в какие-нибудь более сытные места и будет попивать Шато Икем урожая тыща восемьсот лохматого года, а «Котик» и всё, что было с ним связано, останется побитой молью ностальгией.

За полчаса до назначенного времени Кузя – трезвый с утра – уже стучал хвостом по мраморному полу в холле отеля Сен Джеймс. Он, конечно, понимал, что Франкенхаймер в мест-

ной «Ярославской» останавливаться не будет, но здесь чувствовался класс: повсюду ар-деко, мрамор, глубокие кожаные кресла, а главное – много места. Марго со своей помощницей нака-тили откуда-то сбоку на неопохмелившегося Кузю:

– Дембелёвский, – заскрипела пионерка французского кастинга. – Он ещё двух посмот-рит, а потом я тебя представлю.

Она была неузнаваема: строгое, глухое (воротник «Мао») красивое платье, новые «про-щай молодость», тщательно уложенные остатки волос и даже немного макияжа на плиссиро-ванных веках. По глазам было видно, что она волнуется не меньше Кузиного.

Во рту у Кузи было сухо, и он задорого оскоромился у бара стаканом минералки. «Всё правильно, – подумал Кузя, платя непомерные деньги, – ар-деко надо оправдывать, – отметив про себя автоматически, что за такие-то бабульки он в своем convenience supermarket² мог бы отовариться двумя бутылками вполне приличного «Котика».

Углом глаза он почувствовал движение в глубине холла. Повернув голову и поперхнув-шись, Кузя увидел свою покровительницу с ассистенткой, махавших руками, как Робинзон с Пятницей при виде парусника на горизонте. Кузя ринулся к ним. Марго быстро его осмот-рела отсутствующим профессиональным взглядом, одёрнула на нём курточку и... посмотрела глазом Любовь Михайловны. В далёком прошлом мама Шнуркова после получасовых нотаций и причитаний всегда давала Кузе трёшку на опохмелку. Кузя узнал этот тревожно-жалостли-вый взгляд и всхлипнул носом – как и у всех потребляющих, слезоточивая Кузина железа вру-балась с пол-оборота.

«Прощай молодость» зашаркали в сторону приватного салона, Кузя с ассистенткой за ними. В салоне не было ни души, и только в его уютной глубине за широкой спинкой кресла виднелась сильно заросшая седая макушка да болтающаяся на подлокотнике нога в модном ботинке на толстой кожаной подошве. «Мокроступы не иначе как от Джон Лобб», – маши-нально заметил Кузя. Обойдя кресло, они все трое уселись на стулья, расположенные полукру-гом перед режиссёром «Узников Алькатраса». Маэстро был пьян по-светски. Он прихлёбывал что-то цвета виски из широкого хрустального стакана и закусывал левой щекой, пожёвывая её изнутри после каждого глотка. «Наш человек, – сказал себе Кузя, – практик». Сразу было видно, что Франкенхаймер мужик здоровенный, где-то под два метра. Лицо из приятнейших, хоть и слегка порепанное, как у всякого практикующего. «Интересно, что у него в стакане», – подумал Кузя безотносительно.

– Вот, значит, Кузьма Дюбядинский, – Марго бросила взгляд в свой блокнот. – Пардон, месё, Дуплинский его фамилия. Он не профессионал, но посмотрите, какая рожа. Как вы просили, маэстро.

Она старалась поймать взгляд режиссёра, который смотрел на Кузю. Кузя тоже посмотрел на него. «Возьмёт, – почему-то вдруг спокойно решил он. – К бабке не ходи гадать, возьмёт».

Откуда у него появилась эта уверенность, Кузя объяснить толком не мог, но задним чис-лом предполагает, что, встретившись взглядом, они поняли оба два, что являются членами Всемирного Ордена Алконавтов (ВОА). Маэстро заговорил с тем самым американским акцен-том, который так любят пародировать французы:

– Вы никогда не снимались в кино... Не важно, ваша голова мне нравится, – и он под-мигнул им всем, сделав смешное лицо. Дамы обмякли на стульях, выдохнув в унисон.

В следующий раз Кузя увидел Франкенхаймера только через пару месяцев, уже на съём-ках. До этого у него был однодневный стаж в настоящем гараже. Туда Кузю привёз закреплён-ный за ним Мерседес-600. Он выкурил с механиками по сигарете, и они ему сообщили, что им заплатили за него по полному тарифу, как за два рабочих дня. После этих слов Кузю отвезли домой. Он уже ничему не удивлялся – немереные деньги чувствовались повсюду. Так, Кузин

² В ближайшем магазинчике (англ.)

гонорар за один день съёмок превышал его месячное пособие по безработице. На съёмках у него, как у всех двухминутных, был свой собственный роскошно экипированный *sampling-car*³. В этом автобусе можно было хоть сейчас отправляться на край света. Покуривая на огромном кожаном диване и посматривая на непомерно здоровый экран телевизора, Кузя размышлял о превратностях бытия. Сходить по малой нужде в туалет, расположенный в пятидесяти метрах от автобуса, Кузя не мог. Он имел право передвигаться пешком только на съёмочной площадке. В туалет его возили на Мерседесе и... ждали на выходе, чтобы поздравить с облегчением и отвезти назад в автобус.

Довольные лица французов, занятых на съёмках, выражали готовность выполнить любое пожелание заказчика. Воздух потел благополучием. Никогда, даже в бывшем Союзе, Кузя не видел столько сачков, объединённых во времени и пространстве. На одного забивающего гвоздь было не менее трёх проверяющих. За Кузей лично ходили два улыбающихся господина при галстуках. Они переставали улыбаться и сосредотачивались, только когда он приближался к красной машине, которую по задумке он должен был чинить под суровым взглядом Де Ниро и Жана Рено. У Кузи и прав-то никогда не было. Для него что старый «жигулёнок» его брата, что эта приземистая без крыши машина, всё едино. Он гаечный ключ на крыло бросает, а те при галстуках в четыре руки подхватывают. Он бросает, а они подхватывают! Потом один из них так ненастойчиво спрашивает заторможенного Кузю:

– У вас, господин артист, простите, какая машина будет?

– Я в основном на велосипеде...

– А-а-а... То-то я себе и говорю... машинка вот эта... «Феррари» называется, ага. Последняя модель, значит. Вы вот ключик на крылышко бросаете, а оно одно на полмиллиончика застраховано в нашей компании. Вам ежели непременно надо ключик куда-нибудь бросать, вы нам на ножки и бросайте, дешевле будет.

«Ишь ты, уменьшительными суффиксами заговорил! Как с пятнадцатилетним отморозом», – опечалился Кузя.

Одним словом, пристыдили они его. Но аккуратно, чтобы он своё артистическое вдохновение не потерял:

– Не расстраивайтесь, вы же не профессионал, – возник перед ним его двухминутный напарник. Настало время о нём рассказать. Этот бывший советский актёр играл переводчика, который приводит Де Ниро и Жана Рено в Кузин гараж. По сценарию они не знакомы. По идее, этот неизвестно откуда взявшийся переводчик (старушек через дорогу?) должен был охмурить Кузю в три секунды, дабы тот их свёл с чёрт знает какими русско-парижскими бандитами. Напарник вид имел болезный, бородку носил клинышком. Чем-то походил на всесоюзного старосту, но без очков. Он сел Кузе на ухо с утра, потрясая страничкой текста:

– Возмутительно! Даже сценария не прислали. За кого они меня принимают! И кто он такой, этот Де Ниро? Я его не знаю. А наша сцена! – Он тыкал бородкой в страничку. – Вам всё равно, вы не актёр. А мне каково! Таких тупых диалогов мы даже во ВГИКе не писали.

Здесь Кузя был с ним полностью согласен. Американские ребята-сценаристы или по обкурке, или как, ну такого понастрочили, ну такого... Судите сами. По сценарию Кузя является хозяином «левого» гаража, где самые крутые новые русские чинят свои Феррари и прочие Роллс-Ройсы. Само собой, такой человек должен уметь держать язык за зубами и как чумы остерегаться незнакомых, говорящих на птичьем языке. Дабы не было разночтений, я вам приведу всю сцену по памяти.

Хитлик-переводчик, бородка вперёд à la Иван Грозный, нарисовывается в гараже. Де Ниро и Рено двигаются за ним. Трио подходит к машине. Кузя сопит над мотором, пытаюсь

³ Автокемпинг

отвинтить какую-то припаянную деталь. Два страховщика молча страдают в публике. Бородка обходит машину и подходит к Кузе:

– Вы в Париже давно живёте?

Кузя (пытаясь отодрать деталь):

– Давно, давно...

– Народу много знаете?

– Знаю, знаю...

Здесь встречается Жан Рено, который неожиданно стал понимать по-русски:

– Речь идёт о тех, которые по-крупному в карты играют, ездят на больших машинах, и у них куча денег.

Переводчик:

– Те, у кого есть дипломатическое прикрытие... бывшая номенклатура...

Кузя:

– Из КГБ, что ли?

Переводчик:

– Может, и из КГБ... Знаешь, те, что носят шапки из ценного меха... одним словом, доктор Живаго (дословно).

Кузя (вроде как догнал):

– А-а-а... Те, что с охранниками...

Переводчик:

– Ну вот ты всё и понял. Ты нам таких можешь найти?

Кузя (профессионально вытирая руки ветошью):

– Нет, времени нету...

Переводчик (похлопывая Кузю по руке):

– Найди время-то, найди...

Кузя (вместо того, чтобы послать его в баню):

– Ну ладно, пошли со мной...

И они все направляются к настенному телефону, где сцена продолжается ещё минуту, но там Кузя уже на заднем плане.

Нет, ну как вам это нравится? Какой, в Красную Армию, доктор Живаго? Какие, в болото, шапки? Из какого ценного меха? Нет, такого натошак не напишешь. Но Кузе было без разницы, в отличие от напарника, его профессиональная гордость не страдала. Он с нетерпением ожидал появления Бобика.

Но первым образовался Франкуша. Кузя так переименовал режиссёра из симпатии и для краткости. «Не опохмелялся, бедолага», – определил Кузя. Он с сочувствием осматривал его лицо, не понимая, откуда у него возникает впечатление, что голову режиссёра как бы слегка перекособочило. Переводчик скривил рот и засипел в направлении левого Кузиного уха: «Парик! У него парик!». Кузя присмотрелся – и точно! Парик—не парик, но густая седая шевелюра как бы подалась вправо, обнажив с другого боку невинный детско-старческий пушок. Переводчик, руки за спиной, удовлетворённо раскачивался с пятки на носок, глядя вверх на голову Франкуши. В этот момент тот обернулся и встретился с ним взглядом. Он сразу понял, в чём дело, его лицо из сиреневого стало сизым. Нахлобучив бейсбольную кепочку, он ещё раз посмотрел на бородку, прищурившись. Кузя тоже. Переводчик не успел стереть улыбку с лица, как понял, что попал на каркалыгу. Продолжая щуриться на бородку, Франкуша начал хрипеть указания пяти-шести помощникам, которые тут же перекрикивали их дальше. Киношный муравейник оживился:

– Режиссёру я не приглянулся, – напарник искал сочувствия в Кузином взгляде.

– Наплюйте, вы же профессионал. Вам его немилость, как моряку брызги, – утешал Кузя.

«Как бы и меня не окатило по соседству», – подумал он, независимо отворачиваясь. Во время этого манёвра в его поле зрения попал коренастый рыжеватый господин. Кузя продолжал отворачиваться, когда в его мозгу стукнуло: «Не может быть! А почему он рыжий?» Его голова непроизвольно дёрнулась в обратную сторону, и он уставился на шантрета, неприлично отвесив нижнюю губу. Рыжий посмотрел на него хмуро и вдруг подмигнул.

Здесь я всё-таки должен сказать пару слов от автора. Как всё происходило на самом деле, мы с вами никогда не узнаем, и чем больше проходит времени, тем более эта история обрастает деталями и подробностями, как подводная скала мидиями. А как может быть иначе?

Одним словом (Кузиным словом), между ними возникла симпатия. Кузя судорожно проверил свои запасы английского, удивляясь, что из малых они превратились в несуществующие. Но всё равно, в этот момент было не до хорошего. Даже Кузя понимал, что уже одиннадцать, а на съёмочной площадке ещё и конь не валялся. Франкуша кричал всё громче и громче. Появился здоровенный Жан Рено. Тележка с камерой наехала на ногу страховщика. Начали репетировать. «А как вообще играют в кино?» – успел подумать Кузя в состоянии анабиоза, глядя на приближающихся к нему переводчика, Бобика и полтора-Ивана (Jean – Иван по-русски). Переводчик обошёл машину, приблизился к Кузе и начал размахивать руками. Франкуша только этого и ждал. Глаз его зажёгся злорадно, и он закричал на англо-французском. «Not russian théâtre!!! Not Stanislavski... It is a movie... Кино... кино... Understood? Играть просто... Без преувеличений... Спокуха на лице... not big émotions, not exagération, take it easy!» – вопил он, размахивая руками для наглядности, показывая, как не надо делать. Короче, с этого момента Франкуша делал всё, чтобы жизнь бородке мёдом не казалась. Даже после обеда (переводчик уверял, что видел Франкушу что-то сосущим из фляжки), подобрев и разгладившись лицом, режиссёр продолжал его доставать. И как это часто бывает, для Кузьмы эта история сальдировалась сплошным бенефисом. Дабы народ не подумал, что он цепляется к его напарнику по синдрому похмелья, Франкуша избрал Кузю своим любимчиком. Всё, что бы он ни сделал, было замечательно.

Ну что ещё добавить? С Бобиком Кузя всё-таки поговорил, и даже был приглашён в его, бобиковский, автобус. Но когда он описывает его внутренность, он так завирается, что совестно печатать. По его словам, размеры жилища напоминали скорее вагончик поезда, в далёкой глубине которого виднелась огромная кровать под балдахином, расписанным, как потолок в московском планетарии. В этом караван-сарая на колёсах хозяйничала какая-то рыжая тётка, скупой улыбнувшаяся Кузьме в знак приветствия.

Принимая Кузю, Бобик якобы хрямзал сэндвич с ветчиной и предложил Кузе укусить! Ну это же надо?! Как же тогда можно верить всему остальному?

Кузя подарил Франкуше бутылку «Столичной», Жану Рено ничего, а Бобику «Мастера и Маргариту» на английском. Также он ему всучил длинное письмо, написанное приятельницей американкой под Кузину диктовку. В этом письме он обстоятельно объяснял, почему Бобик должен играть Воланда и сообщал, что сценарий уже готов. Узнав, о чём идёт речь в письме, Бобик сказал, что такое же предложение ему уже было сделано Михалковым, и обещал подумать.

Через месяц Кузя получил официальный ответ из трёх строчек от «Трибека продиксьон» (Tribeca productions), как впоследствии выяснилось, бобиковской конторы, подписанное какой-то Джейн Розенталь (Jane Rosenthal) без указания её социального статуса, и Кузя решил, что это должно быть та самая тётка, которую он видел у Бобика в автобусе. В этом письме она его посылала, но вежливо и не очень далеко.

Отметим, что в те далёкие (97—98) годы мы с Кузей не были в числе счастливых трёх сотен тысяч обладателей интернета во Франции. Просто для справки, в конце 2003 их было уже пятнадцать миллионов шестьсот тысяч. Это я к тому, что в ту, кажущуюся нам сегодня такой далёкой эпоху, нельзя было «вбить» имя в «поисковик» и лёгким нажатием пальчика

на «мышку» получить в доли секунды и портрет, и полную биографию «тётки», на которую в тот период Кузя очень затаил. И не только на неё, но и на Роберта тоже: «У него что, рука бы отсохла самому подписать?» Но больше всего Кузёнка задело то, что она ему прислала книгу назад! Оскорблённый до глубины своей измочаленной души, Дуплинский тут же отправил «Мастера» невоспитанной американке с сопроводительной открыткой какого-то вида Парижа, на которой было всего четыре слова «It's a gift» – «это подарок»! Как в «Кондуите и Швамбрании», Кузя строго хранит этот исторический документ серой добротной бумаги в толстых пластмассовых корочках и даёт почитать только в чистые руки. Ещё несколько лет после этих событий, в кругу близких друзей Кузя поднимал бокал с верным «Котиком» и говорил приблизительно следующее: «Ещё не вечер, не такие уж мы и старые с Бобиком и Франкушей, – в этом месте он как правило трижды символически сплёвывал, – может быть, однажды они вспомнят о моём тухлом глазе. Представляете, вдруг звонок и Франкушин голос: «Hi, Vladimir! Мы здесь с Робертом подумали о тебе, будешь ли ты свободен через пару недель?» В эти моменты я смотрел на мечтающую Кузину физиономию и думал, что жизнь ничему не научила этого блаженного. Но придя домой, я записываю, как Левий Матвей... На всякий случай. Однако, относительно скоро, а именно с лета 2002 Кузю перестало заносить, потому что Франкуша нас покинул, приказав нам всем долго жить.

А узнал я об этом, естественно, от Кузи. Вечером он мне позвонил и сказал глухим голосом: «Врубай телик, Стёпа, Франкуша умер. Как посмотришь, приезжай. Помянём».

Я к телевизору – и правда, во всех новостях Франкушина симпатичная физиономия и слова соответствующие. Хорошие слова. Сердце у меня слегка защемило, как если бы я его знал лично, а не с Кузиных слов. Но, несмотря на эту лёгкую грусть, поймал я себя на том, что внимательно всматриваюсь в экран, пытаюсь определить, что же всё-таки у него на голове – парик или сажены? Вот ведь натура человеческая! Стало мне стыдно, и решил я написать хороший позитивный рассказ, вроде как памяти Франкушиной посвящённый. Наш был человек.

Стёпа Чепиков

Париж, 1998—2020 год

Бонус! Вы, конечно, можете посмотреть фильм, но оно вам надо? Зато на эти «две минуты вечной славы» у автора есть права. Это то, что называется «семейным видео». Дочка комментирует, хозяйка дома смеётся! Кстати, малыш на переднем плане, ждущий появления папы на экране со своей «приставкой» (мобильника у него ещё не было), сегодня уже разговаривает басом.

<https://vimeo.com/62480775>

Ятего

Французам в принципе везёт. И без принципа тоже. Чтобы нам так жить. Вся эта заварушка с дедушкой Лёпой⁴ быстро закончилась, мини-кризис национального сознания завершился без кровопролития. Истосковавшаяся по «справедливости» молодёжь (мондиализация уже имеет привкус вчерашних щей), восторженно повизгивая, геройски и с песнями бросилась защищать республику, голосуя за «нормальных» правых.

По поводу песен и героизма: Кузя там был, в толпе. Беззвучно открывал рот под звуки «Марсельезы», смотрел на возбуждённых людей, сравнивал с Москвой девяносто первого года. Факт Кузиного присутствия в эпицентре этих событий объясняется просто. Последнее время он как бы состоял при одном энергичном молодом артисте. Молодой и энергичный многим давал заработать, в том числе и Кузе. В его радиотелевизионной передаче «артист» Дуплинский смело толкал русскую культуру французским обывателям и, что самое удивительное, тот ему за это ещё и платил. Делал ли это он из симпатии к Кузе или по какому-то сложному геополитическому расчёту, мы пока сказать не можем, будущее покажет.

Так вот, когда весь «шестиугольник»⁵ заколыхался, как желе на тарелочке, от этих политических катаклизмов, Кузиному благодетелю пришла в голову мысль собрать на эспланаде у Трокадеро парижскую интеллигенцию и сочувствующую ей публику.

На какой предмет? Как бы сказал украинский поэт: «Шобы они уси разом заспывалы ту самую „Марсельезу“, и шобы та писня у этого самого Лё Пена колом у горле встряла, нехай он ей подавится». В не столь отдалённые времена собрать такую толпу знаменитостей за три дня и мечтать не могли, а сейчас всем по интернету одни и те же три слова послал – оно и вася.

Дело было не где-нибудь, а, как уже было сказано, в самом Трокадеро. Кузиному покровителю стоило только бровью повести, ему бы и Лувр отдали под пикник с его участием. Когда Кузя, морда лопатой, протиснулся за заграждения в огромный зал, первым, кого он увидел, был «Я-о-тебе-говорил», сокращённо – Ятего. Этот индивидуум был таким же хроникёром, как и Кузя в той же передаче и у того же покровителя. Он делал пятиминутную рубрику под броским названием «Письма с моей Мельницы». Слово «мельница» – так удачно совпало – является не только корнем его французской фамилии Мулино, но также и названием романа Альфонса Доде, который каждый второгодник во Франции знает наизусть. Целую неделю Ятего мотался по выставкам и салонам, а в пятницу рассказывал и показывал в лицах, чего насмотрелся. Часто оказывалось смешно. В этот ясный парижский день он оделся, как обычно, городским сумасшедшим: соломенные волосы начёсаны высоко и в разные стороны, озабоченный голубой глаз, кафтан люрексный цвета пьяной вишни поверх застиранной маечки с блёклым портретом и подписью: «Nestor Makhno le cosaque libertaire – 1888—1934». Сам в лиловых шортах. На волосатых ногах жёлтые ботсы до середины сухой икры. Лет мальчику за полтинник, он чуть моложе Кузи будет. Ятего своё прозвище на слух узнавал, но не интересовался его значением по-французски. Облобызавшись, он завопил Кузе в мочку уха: «Дуй на террасу через этот зал, все наши уже там!». Он впихнул Дуплинского в небольшой салон с баром и закрыл за ним дверь.

Перед Кузей, как бы указывая проход на террасу, в два ряда стояли приодетые люди. Народ был сложения крепкого, батонистый. Мужчины при галстуках, пиджаки застёгнуты только на верхнюю пуговицу. Дамы в розовом и белом, некоторые в шляпках с финтифлюшеч-

⁴ Жан-Мари Лё Пен – основатель и бывший руководитель правой партии «Национальный Фронт». Сегодня эту партию возглавляет его дочь Марин Лё Пен.

⁵ Hexagone – шестиугольник, фамильярное название Франции.

ками. Все радостно смотрят на Кузю и начинают аплодировать. Как начали, так и кончили. После трёх хлопков лица вытянулись, и некоторые, собрав пальцы щепоточкой, как итальянские мафиозники в «Сопрано», начали поворачиваться к своим соседям, как бы спрашивая у них: «А это что ещё за поц?!» Кузе показалось, что кто-то плачет сзади, и он обернулся. За его спиной, держась за ручку двери, икал от смеха согнутый Яотего. Вдруг он распрямился, пробежал мимо Кузи на террасу, схватил за кожаный рукав какую-то звезду и, тыкая пальцем в направлении Дуплинского, начал изображать в лицах вышеописанные события. Особенно хорошо у него получалась Кузино лицо с открытым ртом. «Надо будет, всё-таки, дать ему по морде», – привычно подумал Кузя, зная, что навряд ли. После каждой пакости Яотего бросался обниматься, показывал октябрятский значок с маленьким Володей на груди и клялся в своей страстной любви к России. Если Кузя продолжал злиться, Яотего пускал в ход последний козырь: «Вчера я был на просмотре... (назывался фильм), сидел рядом с... (называлось известное имя), и мы обсуждали нашу передачу...». Яотего делал лёгкую паузу. «Я о тебе говорил». И снова пауза, но уже со значением. Вначале Кузя не понимал, какой реакции ждал Яотего, и, если это было правдой, то зачем он это делал? Вероятность, что кто-то всемогущий (продюсер, режиссёр, издатель) запомнит фамилию Дуплинский, была так же мала, как встретить любезного таксиста в Париже. Потом Кузя стал всё-таки благодарить, видя, что окружающие вроде как понимают немаловажность оказанной услуги. Через две секунды появился дуэт модных комиков, и тут уже народ захопал в ладоши по-взаправдашнему. Два сытых дяди выдвинулись из рядов и, взяв юмористов под ручки, подтащили их к молоденькой девушке в белом платье. Расцеловавшись с невестой, они тихо удалились под радостное гудение публики, уже аплодирующей новому появлению. «Ага! – догадался заторможенный Кузьма, только сейчас заметив, что почти все мужчины были в ермолках. – Это же еврейская свадьба!» В этот момент всё что было артистов, киношников, певцов, радио и телевидения повалило с террасы в салон. Волна творческого люда накрыла Яотего, и кожаный рукав знаменитости, и еврейскую свадьбу с Кузей. Она покатила по ступеням в огромные залы и выплеснулась на верхнюю часть эспланады перед запаркованной за железными барьерами толпой сочувствующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.